

ПОНЯТИЕ «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО» В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ЛИЦ: ПОСТ-СТРУКТУРАЛИСТСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ

Контекстуализируется пост-структуралистский вариант дискурс-анализа среди современных политологических подходов. Исследование демонстрирует способность методологии работать на уровне текстуального материала, исключая фактор мотивации акторов, продуцирующих дискурс. Использование данной методологии дополняет выводы, полученные с применением других подходов.

Ключевые слова: гражданское общество; дискурс-анализ; постструктурализм.

В настоящее время политология как дисциплина представляет собой сочетание подходов, разнообразных по своим онтологическим и эпистемологическим основаниям. Среди них бихевиорализм, (нео-)институционализм, (нео-)марксизм, нормативная политическая теория, а также так называемая интерпретивная теория (в том числе подходы, основанные на антифундаменталистской эпистемологии, исходящей из положения о том, что социальная реальность не дана объективно, а является продуктом деятельности людей, прежде всего языковой). Каждый из этих подходов понимает предмет исследования политических наук особым образом, разрабатывает свою методологию и инструментарий проведения эмпирических исследований [1. С. 3–8]. Важно отметить, что вышеназванные подходы можно условно отнести к двум группам. Основанием для данного разграничения являются эпистемологические взгляды, разделяемые учеными, практикующими тот или иной подход. Значительная часть вышеназванных подходов исходит из положения о том, что познание политических феноменов может и должно проходить на основаниях, сходных с исследованиями в естественных науках: поиск универсалий, верификация и фальсификация. Иными словами, исследование проводится в (нео-)позитивистском ключе, его целью является объяснение. Другая часть подходов, так называемых интерпретивных, работает с эмпирическим материалом на уровне значения, интерпретируя его, при этом целью исследования является понимание политических процессов и феноменов. К числу подобных подходов относятся в основном лингвистически ориентированные методологии [2. С. 114]. Несколько обособленной группой являются подходы, основанные на антифундаменталистской эпистемологии в ее крайнем выражении, в том числе ряд дискурсивных подходов [1. С. 139–149].

Теория дискурса стала частью политической теории и методологии относительно недавно. Изначально ее разработкой занимались философы и лингвисты, в частности А. Грамши, Ю. Хабермас, Дж. Серл, Дж. Остин, Л. Витгенштейн, М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт. Их работы, в числе прочих изменений в социальных науках, в значительной степени стали причиной так называемого лингвистического поворота [3]. Анализ дискурса, в самом общем понимании, занят изучением использования языка (языковыми практиками) в социальном контексте. Понятие дискурса находится в центре значительного числа подходов, занятых исследованием социальных феноменов; так, Кейти МакМиллан в своем обзоре дискурсивных подходов в их числе называет дискурсивную психологию, анализ речевой коммуникации (дискурс-анализ естественно протекающей

речи), социолингвистику, а также критическую лингвистику и критический дискурс-анализ [4].

Дискурс в сфере политической деятельности человека обсуждается в рамках меньшего числа подходов; существует ряд попыток их классифицировать. Так, Т. Диез подразделяет дискурс-анализ на три направления, связанные, соответственно, с идеями Д. Остина, М. Фуко и Ж. Деррида. Первый из них занимается речевыми актами, второй – критическим дискурсом анализа, а для третьего важным является понятие «деконструкция» [5]. Дж. Милликен выделяет «три аналитически различимые связки теоретических утверждений»: изучение дискурса как систем значений/смыслов, изучение дискурса в качестве феномена, продуцирующего социальный мир, и изучение дискурса, рассматриваемого как игра практики [6]. О.Ф. Русакова и Максимов отмечают, что дискурс-анализ в исследованиях, посвященных политическим смыслам, существует в двух ипостасях: как критический дискурс-анализ и как постмодернистский; и если постмодернистский дискурс-анализ рассматривает все социальные практики как дискурсивные, то критический – лингвистически ориентирован [7]. М.В. Гаврилова описывает несколько подходов к анализу политического дискурса: критический дискурс-анализ, когнитивный, описательный и количественный; когнитивный метод, в свою очередь, включает в себя такие частные методологии, как анализ политических концептов, метафорическое моделирование, лингвоидеологический анализ политического дискурса, моделирование политического процесса [8].

Ввиду значительного числа существующих подходов серьезной проблемой для исследователя является выбор из числа вышеназванных подходов того, чья понятийная база, эпистемологические основания и предлагаемая методология наиболее соответствуют предмету конкретного исследования. Как указывает Милликен, многие дискурсивные подходы не идут далее разработки понятийного аппарата и выбора позиции по вопросу возможностей научного познания, т.е. определения степени критичности подхода по отношению к научному мейнстриму [6. С. 226]. В то же время способы использования подхода применительно к эмпирическому материалу зачастую не разрабатываются в необходимой степени. Именно сравнению, а иногда доработке недостаточно уточненных методологий посвящена книга Л.Дж. Филлипс и М. Йоргенсен, в которой они рассматривают три наиболее продуктивных подхода к анализу дискурса с точки зрения эмпирического изучения политических реалий: по их мнению, это дискурс-анализ Э. Лакло и Ш. Муффа, критический дискурс-анализ и дискурсивная психология [9].

Проведенный обзор дискурсивных подходов позволил выделить среди наиболее потенциально продуктивных вариант дискурс-анализа, предложенный скандинавскими исследователями, прежде всего О. Вевером и Х. Ларсеном [10–12]. Скандинавские исследователи подчеркивают, что французский постструктурализм, который положен в основу их концепций, не имеет идеологических обязательств, в отличие от американского, который глубоко вовлечен в дебаты между различными подходами к исследованию социальной реальности и выполняет в них роль критического подхода. Они опираются прежде всего на работы М. Фуко, а также на труды Ж. Деррида. Важно отметить, что французский постструктурализм не является антиструктурализмом, в отличие от дихотомии модернизм/постмодернизм. Постструктуралисты во многом отталкиваются в своих построениях от понимания значения, предложенного основателем структурной лингвистики Ф. де Соссюром; одним из положений его теории является то, что языковые знаки приобретают значение только в противопоставлении с другими знаками, язык понимается как система и ее структуру возможно изучать как особый уровень реальности [10. С. 29].

О.Ф. Русакова, проводя обзор теорий дискурса, отмечает вслед за Я. Торфингом основную парадигмальную установку постструктуралистской теории дискурса: «ее основанием выступают, во-первых, антиэссенциалистская онтология и антифундаменталистская эпистемология», во-вторых, «релятивистский, контекстуальный и принципиально исторический взгляд на формирование идентичности», и, наконец, «формационный порядок дискурса не является стабильным, он подвержен реструктуризации под влиянием политических и исторических процессов» [13. С. 10–28]. Для вышеуказанных скандинавских исследователей данные положения транслировались в следующие методологические принципы: изучение того, каким образом акторы концептуализируют понятия, позволяет сделать выводы о том, какого рода значения они пытаются навязать аудитории, а не о том, какими мотивами они руководствуются, говорят ли они правду и т.д.; понятия приобретают смысл только относительно других понятий, значения конструируются в процессе продуцирования дискурса; дискурс меняется как в процессе продуцирования, так и под влиянием внешних, внедискурсивных факторов, необходимо также учитывать конкуренцию различных акторов, своего рода борьбу за возможность навязывать аудитории предпочитаемые значения [10. С. 20–50].

Постструктуралистский вариант дискурс-анализа, разработанный Вевером, Ларсеном и др., особенно интересен, поскольку они не только детально разработали теоретическое обоснование своего подхода к дискурс-анализу, но также попытались уточнить его инструментарий и, самое главное, провели эмпирический анализ дискурса на примере политики скандинавских стран в отношении Европейского союза. Дискурс, в свете данного варианта дискурс-анализа, – это то, каким образом конкретная тема рассматривается в конкретный период времени, иными словами, это определенный набор способов высказываться на определенную тему, привязанный к конкретному историческому

моменту. В целом эмпирическое исследование, проводимое в соответствии с принципами, выдвинутыми вышеуказанными исследователями, предполагает несколько этапов. Прежде всего, это подбор текстов для анализа: как правило, рассматриваются тексты, представляющие доминирующий дискурс, коллективными или индивидуальными авторами которых являются представители официальных кругов того государства, чья политика анализируется. Затем определяется набор основополагающих понятий, концептуализация которых критична для формирования текущей политики и тактик по ее конкретным направлениям, интересующим исследователя. Далее проводится анализ текстуального материала, выборка присутствующих в текстах концептуализаций основополагающих понятий и связанных с ними вариантов политических решений/построения политического процесса [10. С. 33–42].

Мы предлагаем применить данный вариант постструктуралистского дискурс-анализа к анализу понятия «гражданское общество» в российском официальном дискурсе. Выбор данного понятия обусловлен тем, что оно является относительно новым, активное использование термина началось в течение последних нескольких лет, определение данного феномена не закреплено законодательно, в настоящее время его значение не является жестко фиксированным и в политическом дискурсе: различные акторы политической сферы формулируют определение, роль и функции гражданского общества по-разному, пытаясь укоренить конкретные способы концептуализации данного понятия в публичной сфере. Для анализа было выбрано три текста, они прозвучали на открытии III Международного конгресса НПО Совета Европы, который прошел в декабре 2008 г. в Пензе.

Выбор в пользу данных текстов объясняется тем, что они в основном посвящены теме гражданского общества; соответственно, концентрация фраз и предложений, затрагивающих данное понятие, является достаточно высокой. Также важным фактором является то, что все тексты произнесены лично или от лица представителей высшего уровня власти: Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, Председатель Совета Федерации С.М. Миронов, член Совета Федерации Б.И. Шпигель [14].

Основные темы, которые были затронуты в данных текстах: роль, характеристики и функции гражданского общества, взаимоотношения гражданского общества и государства, история развития гражданского общества и его текущее состояние. Краткий анализ с использованием постструктуралистского варианта дискурс-анализа, предложенного Вевером и др., был сосредоточен на том, каким образом данные темы раскрыты в вышеуказанных текстах; основной целью анализа является вычленение концептуализаций понятия «гражданское общество» в данных примерах официального дискурса.

Вышеуказанные тексты очень подробно перечисляют характеристики, функции, роль и место гражданского общества в России. Примерами подобного детального описания гражданского общества являются следующие цитаты: «Гражданское общество задает высокий уровень норм и стандартов в политике, профессиональной деятельности, культуре и повседневной жизни наших граждан. Зрелые структуры гражданского

общества способны эффективно противостоять произволу, безответственности, невежеству и псевдокультуре. Гражданское общество способствует открытости власти и цивилизованности бизнеса, страхует их от ошибок и нарушений, помогает бороться с коррупцией. Компетентный контроль общественности над работой органов власти повышает качество и эффективность принимаемых решений. Благодаря взаимодействию с гражданским обществом, государство становится более стабильным и, конечно же, динамичным» [14. С. 7]; «Структуры гражданского общества выступают в роли чувствительного нерва общественных настроений, связующего звена между государством и конкретным человеком. Они привлекают внимание власти к острым проблемам, а при необходимости критикуют эту власть. Очевидно, что конструктивная критика и согласование разных мнений являются условиями заинтересованного диалога» [14. С. 8]. Такое подробное описание характеристик данного понятия, очевидное желание отдельно и в деталях оговорить его определение, а также свойства и функции подтверждают тезис о незакрепленности его значения в современном российском политическом дискурсе. В то же время это скорее описание своего рода идеального варианта гражданского общества, а не существующего в данной стране в конкретный момент времени. В текстах фактически отсутствует описание гражданского общества, привязанное к текущей ситуации в России. Также вышеприведенные цитаты четко определяют роль гражданского общества как агента, информирующего государство о проблемах в обществе и внутри государственного аппарата, таким образом, очерчивая отношения между государством и обществом как неравновесные.

Данный тезис о неравновесности государства и гражданского общества подтверждается тем, что в одном из текстов предложен вариант описания истории гражданского общества, где противопоставляется опыт Западной Европы и России, т.е. история развития гражданского общества на Западе оценивается как длительная и органичная и сравнивается с относительно недолгой историей существования гражданского общества в России, при этом отдельное внимание уделено исторически сложившейся активной роли государства в России: «Известно, что на Западе его [гражданского общества] формирование начало свой отсчет от XII–XIII вв., и складывалось оно в течение длительного периода методом проб и ошибок, вырастая из традиционных институтов, которые претерпевали сложную эволюцию, приспосабливались к новым запросам меняющегося общества. В России же гражданское общество развивается в других условиях. Прежде всего следует отметить важную роль государства в жизни общества на всем историческом пути, что определялось и природно-географическими, историческими, геополитическими условиями, которые вынуждено было брать на себя решение основных задач. Не надо также забывать, что этот вопрос происходил одновременно с переходом к рыночной экономике и к демократической политической системе» [14. С. 10]. В данном примере особенно интересно использование вводного слова «известно», таким образом, авторы текста избегают необходимости ссылаться на источники данной ин-

формации или указывать, что данное мнение принадлежит им; относя содержание высказывания к сфере общеизвестного, данная структура имеет способность представлять следующую за ней информацию аксиомой не требующей доказательств. Важно отметить, что данный анализ вводной конструкции не ведет к выводу о ложности или истинности предложенной авторами текстов информации, он скорее позволяет оценить способ ее подачи.

Важно отметить, что такая функция гражданского общества, как критика некорректных государственных практик/решений упоминается в одном тексте, но с оговоркой, что критика должна быть частью конструктивного диалога [14. С. 6].

Текущее состояние взаимоотношений гражданского общества и государства оценивается авторами текстов как этап, когда они больше «не рассматриваются в качестве оппонентов», государство выступает в качестве актора, поддерживающего гражданское общество, в том числе финансово: «В настоящий момент в России государство активно помогает в развитии институтов гражданского общества. Примером тому стало проведение конкурса среди некоммерческих организаций, в ходе которого НКО получили государственную финансовую поддержку, что весомо для неправительственного сектора» [14. С. 10].

Фразы о работе гражданских палат (федеральной и региональных), общественных советов построены в форме предложений, где глаголы используются в форме страдательного залога, т.е. в предложениях со страдательным залогом подлежащее является субъектом действия, выбор данной грамматической структуры некоторым образом нивелирует активную роль данных акторов, например: «На федеральном и региональном уровне образован ряд новых структур, которые содействуют вовлечению представителей гражданского общества в обсуждение и решение острых проблем» [14. С. 8].

Итак, авторы текстов, представляющих государство, обосновывают участие государства в формировании гражданского общества, используя в качестве аргумента оформленную определенным образом ссылку на исторический опыт, таким образом, объясняя сложившиеся отношения между государством и гражданским обществом внешними факторами, не считая нужным анализировать природу этих отношений как таковую. Также авторы текстов настаивают на оценке текущих взаимоотношений как стабилизовавшихся, избегая при этом очевидной отсылки к некоему предыдущему этапу, отличающемуся от текущего по степени стабилизации взаимоотношений государства и гражданского общества. Помимо этого они активно перечисляют роли, функции и характеристики гражданского общества, делаясь своим пониманием данного понятия.

Наиболее очевидной слабостью данного варианта дискурс-анализа является невозможность полностью включить в рамки данного подхода объяснение преемственности/изменений политики по тому или иному вопросу, поскольку данный метод не способен объяснить изменения, обусловленные факторами, находящимися за пределами системы дискурсов, иными словами, существует значительное число структурных ограничений, оказывающих влияние на принятие поли-

тических решений и их осуществление. Крайне важной сильной стороной данного варианта дискурс-анализа является следующее: сосредоточение исследования на уровне текстуального материала снимает такие возражения, как невозможность оценить инструментально, используют дискурс его авторы или нет, поскольку вопрос мотивации акторов осознанно выведен за рамки

анализа. Важно иметь в виду, что использование дискурс-анализа не уменьшает значимости выводов, полученных с помощью других теорий и методологий; его использование логично включается в структуру парадигм политического анализа и соответствует характерной для дисциплины теоретической и методологической эклектичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Theory and Methods of Political Science* / D. Marsh et al. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002. 368 p.
2. Касавин И.Т. Текст, дискурс, контекст: Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. 544 с.
3. Yanow D. Interpretation in Policy Analysis: On Methods and Practice // *Critical Policy Analysis*. 2007. Vol. 1, № 1. P. 109–121.
4. MacMillan K. *Discourse Analysis*. Loughborough: Loughborough University. Режим доступа: http://www.lboro.ac.uk/research/mmmethods/resources/links/da_primer.html, свободный.
5. Diez T. Speaking 'Europe': the Politics of Integration Discourse // *Journal of European Public Policy*. 1999. Vol. 6, № 4. P. 598–613.
6. Milliken J. The Study of Discourse in International Relations: A Critique of Research and Methods // *European Journal of International Relations*. 1999. Vol. 5, № 2. P. 223–254.
7. Русакова О.Ф. Политическая дискурология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // *Полис*. 2006. № 4. С. 26–43.
8. Гаврилова М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // *Полис*. 2004. № 3. С. 127–139.
9. Йоргенсен М. Дискурс-анализ, теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. 336 с.
10. *European Integration and National Identity: the Challenge of Nordic States* / Eds. L. Hansen, O. Waever. L.: Routledge, 2002. 232 p.
11. Waever O. Discourse Analysis as Foreign Policy Theory: the Case of Germany and Europe // Working paper. Center for German and European Studies. 1996. Режим доступа: <http://www.ciaonet.org/wps/wao/01/>, по подписке.
12. Larsen H. British and Danish European Policies in the 1990s: a Discourse Approach // *European Journal of International Relations*. 1999. Vol. 5(4). P. 451–483.
13. *Современные теории дискурса: междисциплинарный анализ*: Сб. / Гл. науч. ред. О.Ф. Русакова. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. 209 с.
14. III Региональный конгресс НПО Совета Европы. М., 2009. 47 с. (в печати)

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 6 октября 2009 г.